

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ И ЕС НА ПРОСТРАНСТВЕ «ОБЩЕГО СОСЕДСТВА»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Руслан Салихович Мухаметов

*Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 5 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена оценке состояния российской мягкой силы. Автора подтолкнуло обратиться к этой теме противоречие. С одной стороны, обзор научной литературы показывает, что эксперты достаточно высоко оценивают уровень развитости мягкой силы России в ближнем зарубежье. С другой, политологи-международники констатируют, что государства СНГ выбрали ту или иную форму многовекторности на международной арене, влияние Москвы на постсоветском пространстве снижается в последние несколько лет. Опираясь на обоснованную теорию, разработанную А. Страус и Дж. Корбин, в рамках которой были проанализированы программные документы политических партий, прошедших в общенациональные парламенты, автор приходит к ряду выводов. Отношение партийно-политических элит к России отличается в зависимости от одной страны к другой и находится в обратной зависимости от отношения к ЕС. При оценивании воздействия мягкой силы России необходимо придерживаться индивидуального («странового») подхода, а не общерегионального.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента Б.Н. Ельцина e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мягкая сила; постсоветское пространство; Россия; Евросоюз; внешняя политика.</p>	

В настоящее время главным территориальным направлением во внешнеполитических приоритетах России являются страны СНГ. Москва придаёт развитию отношений с государствами региона первоочередное внимание, что отражено в российских внешнеполитических доктринальных документах¹. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, считается, что для большинства государств их основные внешнеполитические задачи сосредоточены в том географическом регионе, где они расположены. В российском внешнеполитическом лексиконе существует термин для обозначения

государств, расположенных по периметру границ России, как «ближнее зарубежье».

Вторая причина – историческая, связанная с общим историческим прошлым. Совместное проживание народов происходило в рамках Российской империи и Союза ССР. В середине XVII в. Левобережная Украина вошла в состав Московского царства, во второй половине XVIII в. Правобережная Украина и территории, составляющие на данный момент Белоруссию, были включены в состав Российской империи. С начала XIX столетия территории Закавказья постепенно присоединяются к Российской империи.

Наконец, национально-этнический фактор, т.е. наличие в этих государствах русскоязычного / русскоговорящего населения и потребность защиты их прав и интере-

¹ Foreign Policy Concept of the Russian Federation. 30.11.2016. Mode of access: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248

сов. Это обусловлено тем, что Москва считает эту задачу, как написано в Концепции поддержки соотечественников за рубежом, «своим моральным долгом»².

Все вышесказанное определяет отнесение государств СНГ в зону «жизненно важных интересов», сферу влияния России.

Важность обеспечения национальных интересов России на постсоветском пространстве предполагает использование Москвой разнообразных внешнеполитических инструментов. В политологической литературе развернулась дискуссия о том, каким средствам и методам Москва должна отдавать предпочтения при реализации своего внешнеполитического курса на пространстве СНГ. Одни эксперты призывают привлекать для повышения эффективности российской внешней политики институты гражданского общества (некоммерческие неправительственные организации), что нашло отражение в существовании теории и практики общественной дипломатии. Другие выступают за усиление информационно-коммуникационной составляющей в отечественной внешней политике. Данная компонента нашла свое выражение в таких понятиях, как публичная и цифровая дипломатия. Часть экспертов-международников предлагает уделять больше внимания культурной дипломатии, т.е. распространению и популяризации национальной (отечественной) культуры за рубежом. Ряд экспертов полагают, что для решения внешнеполитических задач можно и нужно использовать энергетические ресурсы. Наконец, для кого-то представляется целесообразным обращение к теории и практики экономической дипломатии.

Несмотря на имеющийся в распоряжении России солидный внешнеполитический инструментарий, российские эксперты говорят о том, что государства СНГ выбрали

² Концепция поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на современном этапе. Утверждена Президентом Российской Федерации 30 августа 2001 г. (The Concept of the Russian Federation's Support of Compatriots abroad at the Present Stage). Режим доступа: <http://www.rusinkg.ru/sootechestvenniki/article/15-rabota-s-sootechestvennikami/40-kontseptsiya-podderzhki-na-sovremennom-etape>

ту или иную форму многовекторности на международной арене, влияние Москвы на постсоветском пространстве в целом снижается³. В условиях важности для Москвы постсоветского пространства, а также потребности в сохранении и расширении сферы влияния представляется целесообразным обратиться к «мягкой силе».

Целью настоящей статьи является оценка уровня развития мягкой силы России. Структурно работа представлена следующим образом. В первом разделе мы вкратце осветим степень научной разработанности проблемы. Второй раздел посвящен концептуальным рамкам исследования. Методы и данные представлены в третьем разделе. Наконец, в четвертом разделе приводится анализ, а также обсуждаются полученные результаты работы.

* * *

Понятие «мягкая сила» за три десятилетия достигло мирового признания, оно вышло за рамки академической науки и стало популярным среди аналитиков, журналистов, политиков и гос. деятелей. Обращение российского политического руководства страны к концепции «мягкой силы» датировано концом 2011 – началом 2012

³ Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75. [Degterev, D., Vasiliuk, I., Baum V. Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz (Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis) // *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, № 1, pp. 63-75]; Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 1. С. 94-112. [Petrovich-Belkin, O.K., Eremin, A.A., Bokeriia, S.A. Problema snizheniia vlianiia Rossii na postsovetskom prostranstve: chem vyzvan dreif gosudarstv SNG v storonu mnogovektornosti? (The Problem of Reducing Russia's Influence in the Post-Soviet Space: What Caused the Drift of the CIS States towards Multi-Vector Nature?) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2019, No. 1, pp. 94-112].

года⁴. Как отмечают эксперты, фактически Россия стала интересоваться мягкой силой после «оранжевой революции» на Украине, которую в Москве рассматривали как «спецоперацию западных неправительственных некоммерческих организаций»⁵. Поворот Москвы к данной теории не случаен. Это связано с необходимостью переформатировать внешнеполитическую доктрину в соответствии с современными стандартами для улучшения международного имиджа и укрепления глобального престижа России (особенно на постсоветском пространстве)⁶ или потребностью российских элит ответить на «подъем» дискурса мягкой силы на Западе⁷.

Несмотря на относительно продолжительный срок ее использования / употребления, Россия в различных рейтингах мягкой силы не входит в топ-10 (см. Таб. 1).

Таблица 1

Позиция России в рейтингах мягкой силы

The Soft Power 30	Anholt-GfK Roper Nation Brands Index	Country Brand Index	Good Country Index
30	23	27	41

Table 1. Russia's position in the soft power ratings

Source: The Soft Power 30. Mode of access:

https://softpower30.com/?country_years=2019

Эксперты называют разные варианты объяснения такого положения дел. Российской концепции мягкой силы свойственно отсутствие четко определенной терминологии

и использование дублирующих понятий⁸. Подход Москвы к реализации «мягкой силы», как правило, носит скорее декларативный характер, формулируя широкие цели без конкретных шагов и сроков их реализации, либо предполагая мероприятия, проводимые без оценки их эффективности в достижении заявленных целей⁹.

Российское понимание мягкой силы несколько отклоняется от «классического», разработанное Дж. Наем. Национальная интерпретация является инструменталистской, прагматичной и ориентированной на интересы¹⁰. Российский дискурс мягкой силы называют «гегемонистским», т.к. желание ее использования продиктовано чувством собственного права как великой державы и усилиями, направленными на необходимость «догнать» другие (мировые) державы¹¹. Москва воспринимает государство в качестве главного субъекта в процессе выработки и проводника мягкой силы¹², в то время как Дж. Най в большей степени делал акцент на институтах гражданского общества¹³. Другой особенностью российской мягкой силы называют ее консервативный характер. У России есть ценности, которые обеспечивают поддержку внешнеполитических целей: моральный консерватизм, нелиберальное правление, а также сильное

⁴ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытии заседания «круглого стола» на тему: «Общественная дипломатия как инструмент внешней политики и развития гражданского общества», Москва, 12.12.2011. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/88EDE46B7ED6659044257964005D6EB9; Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

⁵ Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // Problems of Post-Communism, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

⁶ Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s)' // *European Journal of International Relations*, 2016, No. 4, pp. 773-796.

⁷ Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4. pp. 316-329.

⁸ Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

⁹ Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // *Assessing Russia's Power: A Report / Kuhrt N. Feklyunina V. (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.*

¹⁰ Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 1, pp. 1-13.

¹¹ Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4, pp. 316-329.

¹² Wilson, J.L. Soft Power as a Component of Russian and Chinese Discourse and Strategy Constructivist and Realist Interpretations / 2013 Annual Meeting of the American Political Science Association, August 29 – September 1, 2013.

¹³ Nye, J. What Russia and China Don't Get about SOFT power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

руководство. Эти идеологические ценности дополняются антиамериканизмом и концепцией суверенитета во внешней политике. Данные ценности и принципы привлекательны сами по себе, являются источником вдохновения и порождают последователей (популистские и правые партии в европейских государствах)¹⁴. Россия воспринимается как альтернативный геополитический полюс с антилиберальным уклоном и социальным мировоззрением («консервативный Интернационал»)¹⁵. Как отмечают эксперты, продвижение Кремлем имиджа России как источника традиционных консервативных ценностей ставит ее в качестве идеологической альтернативы господствующей западной либеральной гегемонии. Руководство страны пытается добиться успеха у консервативных сил на Западе. Обращение России к таким ценностям находит поддержку у членов европейского правого крыла, а также противников Европейского союза¹⁶. Исследователи отмечают, что на международном уровне, используя левую и антиколониальную риторику, российская дипломатия находит понимание и у государств, которые нельзя отнести к западным: Куба, Сирия, Вьетнам, Иран, Венесуэла и т.д.¹⁷.

Стратегия мягкой силы России ориентирована не столько на международную аудиторию в целом, сколько на свое «ближнее зарубежье»¹⁸. У Москвы на региональ-

ном уровне (в странах бывшего Советского Союза) больше возможностей для проецирования ориентированных на будущее российских нарративов и ценностей. Мягкая сила России не в состоянии конкурировать с западными странами в мировом масштабе, но на постсоветском пространстве она более чем конкурента¹⁹. О.В. Шишкина, проведя сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства», пришла к выводу, что стороны обладают приблизительно равными возможностями и средствами воздействия и влияния²⁰. Что касается исключительно мягкой силы, то уровень ее развития на постсоветском пространстве по сравнению с Евросоюзом выше, благодаря грамотному политико-идеологическому позиционированию (отстаивание принципа невмешательства во внутренние дела государств, отсутствие приоритетности защиты прав человека в теории и практике российской внешней политики и др.)²¹.

Подводя итог обзору научной литературы, можно сделать вывод, что эксперты-международники достаточно высоко оценивают уровень развитости мягкой силы России в ближнем зарубежье в целом. Но так ли все благополучно обстоит? Усомниться нас заставляют два момента. Первый – ближнее зарубежье России состоит из трех субрегионов (Центральная Азия, Южный Кавказ и восточно-европейские страны), которые географически отделены друг от друга, имеют

¹⁴ Keatinga, V.C., Kaczmarek, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*, 2017, Vol. 22. Mode of access: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41268-017-0100-6.pdf>

¹⁵ Tafuro, E. Fatal Attraction? Russia's Soft Power in Its Neighbourhood // *Policy Brief*, 2014, № 181. Mode of access: https://www.files.ethz.ch/isn/180660/Fatal%20attraction_%20Russia%E2%80%99s%20soft%20power%20in%20its%20neighbourhood.pdf

¹⁶ Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

¹⁷ Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

¹⁸ Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

¹⁹ Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

²⁰ Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 1. С. 59-60. [Shishkina, O.V. Vneshnepoliticheskie resursy Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosedstva»: sravnitel'nyi analiz (Foreign Policy Resources of Russia and the EU in the Space of «Common Neighborhood»: Comparative Analysis) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 1, pp. 59-60.]

²¹ Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // *Comparative Politics Russia*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

отчасти разных государств-соседей. Отсюда следует, что необходимо конкретизировать географические рамки исследования. Второй момент состоит в наличии противоречия: если тезис о силе российского мягкого влияния на региональном уровне верен, то почему постсоветские государства проводят многовекторную политику, Москва имеет с некоторыми из них непростые межгосударственные отношения. В дальнейших разделах работы мы проверим данное утверждение на других эмпирических данных.

Прежде чем перейти к эмпирической части работы, представляется целесообразным обратиться к теоретическому осмыслению понятия «мягкая сила». Эта концепция рассматривается как альтернатива традиционной («жесткой») власти, основанной на использовании военных и экономических средств. Термин «мягкая сила» введен в оборот Дж. Наем-младшим. Если собрать в одном месте все определения мягкой силы, которые принадлежат американскому ученому, то получится следующий перечень:

- возможность получить то, что вы хотите;
- способность заставить других хотеть результаты, которые вы хотите;
- способность устанавливать политическую повестку дня для формирования предпочтений у других;
- способность навязывать свою волю или получать желаемые результаты;
- способность притягивать других²².

С точки зрения Дж. Найа, эта способность и возможность обеспечивается только через привлечение и сотрудничество, а не принуждение или платежи. Ресурсы мягкой силы – это активы, которые производят такое притяжение. Джозеф Най указывает на три ресурса, на которых базируется мягкая сила:

- 1) культура (когда она нравится другим);
- 2) политические идеалы (когда они привлекательны и последовательно практикуются дома и за границей);
- 3) внешняя политика (когда она рассматривается как законная, легитимная и имеющая моральный авторитет).

Сам Най признавал, что хотя понятие мягкой силы является относительно новым, поведение, которое оно обозначает, так же старо, как человеческая история.

В силу абстрактности самой концепции она подверглась критике, особенно в части механизмов реализации. Одним из главных слабостей данной концепции выступает природа притяжения в мировой политике. Притяжение как социальный механизм в межгосударственных отношениях трудно определить из-за неясной природы причин и следствий²³. Кроме того, притяжение – это довольно субъективное переживание, которое вызывает вопрос о том, что делает что-то или кого-то привлекательным для одних, но не для других²⁴.

Необходимо отметить, что понятие мягкой силы в классическом понимании обладает рядом характеристик и свойств. Во-первых, она обладает мощным нормативным потенциалом, основанным на внутренних стандартах и нормах общественно-политической жизни, которые практикуются в государстве, стремящемся усилить свое влияние за рубежом. Во-вторых, мягкая сила не контролируется правительством или какой-то одной организацией. Она приходит из различных источников, принадлежащих, как правило, негосударственным субъектам. Наконец, по своему содержанию мягкая сила направлена на либерализацию экономики и демократизацию политической системы²⁵.

²² Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с. [Nye, J. *Gibkaia sila. Kak dobit'sia uspekha v mirovoi politike* (Soft Power: The Means to Success in World Politics). М.: Trend, 2006. 397 p.]; Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 33-41. [Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia («Soft Power» and American-European relations) // *Svobodnaia mysl'*, 2004, No. 10, pp. 33-41.]

²³ Kiseleva, Y. *Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4, pp. 316-329.

²⁴ Mattern, J.B. *Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium - Journal of International Studies*, 2005, Vol. 33, p. 583.

²⁵ Ćwiek-Karpowicz, J. *Limits to Russian Soft Power in the Post-Soviet Area // DGAP Analyse*, 2012, No. 8. Mode of access: https://pism.pl/files/?id_plik=11129

Эмпирической базой исследования послужили программные документы (программы, предвыборные платформы) политических партий государств «общего соседства». Эти документы представляют собой квинтэссенцию идеологии партий, выражают образы будущего и пути развития государства и общества, за которые голосуют избиратели. Необходимо отметить, что в литературе достаточно широко представлены обзоры теорий, объясняющие мотивы голосования избирателей, в том числе и те, которые имеют отличное от нас понимание электорального поведения²⁶. Тем не менее ряд современных исследований подтверждает действия «рационального» фактора²⁷.

В основе исследования находится такой метод анализа документов, как обоснованная теория (*grounded theory*), которую разработали А. Страус и Дж. Корбин²⁸. Данный инструмент

²⁶ Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 44-56. [Golosov, G.V. Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov (Voter's Behavior in Russia: Theoretical Prospects and the Results of Regional Elections) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1997, No. 4, pp. 44-56.]; Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Зарубежная политология в XX столетии: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН, 2001. С. 190-215. [Meleshkina, E.Iu. Issledovaniia elektoral'nogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia (Research of electoral behavior: theoretical models and problems of their application) / in: *Zarubezhnaia politologiia v XX stoletii: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: INION, 2001. pp. 190-215.]

²⁷ Downs, A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p; Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. № 3. С. 47-58. [Farmer, M. Ratsional'nyi izbor: teoriia i praktika (Rational choice: theory and practice) // *Politicheskie issledovaniia*, 1994, No. 3, pp. 47-58.]

²⁸ Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. [Strause, A., Korbin, Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki* (Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques). Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.]

исследования позволяет выявлять и концептуализировать скрытые структуры в процессе постоянного сравнения. Она обеспечивает возможность для сбора, синтеза, анализа и концептуализации качественных данных. В нашем случае обоснованная теория позволила проанализировать программы политических партий ряда государств и определить уровень «мягкой силы» России, тем самым, достигнув цели исследования. Для этого нам необходимо определить индикаторы, по которым мы будем судить о степени развития российского «мягкого» влияния. В *Таблице 2* представлены наши индикаторы.

Таблица 2

Показатели влияния «мягкой силы»

Критерии	РФ	ЕС
Внутренняя политика	Европейский выбор или «особый» путь	Европейский выбор, переход на стандарты ЕС и НАТО в политической, военной, экономической, социальной, культурно-гуманитарной сферах.
Внешне-политический курс	многовекторность, развитие отношений со всеми соседями, отсутствие курса на вступление страны в НАТО и ЕС, военно-политический нейтралитет	провозглашение курса на членство в ЕС и НАТО, евроинтеграцию.

Ключевым показателем российского «мягкого» влияния является внешнеполитический фактор по двум причинам. Во-первых, в отечественных документах, посвященных национальной безопасности, четко прописана отрицательная позиция Москвы относительно расширения НАТО на восток. Во-вторых, политическое руководство России имеет дела с правительствами государств, невзирая на особенности их политической системы.

Географические рамки исследования ограничены территорией, в которую входят государства «общего соседства» РФ и ЕС. Данное понятие возникло после расширения Евросоюза в 2004-2007 гг. Этими странами являются в восточно-европейском регионе Украина, Белоруссия и Молдавия, на Южном Кавказе – Армения, Азербайджан и Грузия.

Из перечисленных государств нам подходят только четыре (Украина, Молдова, Армения и Грузия). Белоруссия и Азербайджан исключаются из нашего анализа по двум причинам. Первая – выборы в национальные парламенты этих государств проходят только по мажоритарной избирательной системе, которая не предусматривает прямого участия политических партий. Вторая – формирование исполнительной власти происхо-

дит фактически без участия парламента, что для нас является принципиальным.

Стоит сказать о хронологических рамках исследования. В силу того, что мягкая сила имеет такую характеристику, как динамичность, свойство со временем меняться, мы рассмотрим крайние на данный момент общенациональные парламентские выборы (см. Таб. 3).

Таблица 3

Общая характеристика политической и избирательной систем государств «общего соседства»

Государства	Дата парламентских выборов	Избирательная система	Форма правления по Мэттью Шугарту и Джону Кэри)
Беларусь	17 ноября 2019 года	мажоритарная	Президентско-парламентская система
Украина	21 июля 2019 года	смешанная	Премьер-президентская система
Молдова	24 февраля 2019 года	смешанная	Премьер-президентская система
Армении	9 декабря 2018	пропорциональная	Парламентская
Грузии	8 и 30 октября 2016	Смешанная	Премьер-президентская система
Азербайджан	9 февраля 2020	мажоритарная	Президентская система

Table 3. General characteristics of the political and electoral systems of the «common neighborhood States»

Таблица 4

Результаты общенациональных парламентских выборов

Страны	Партии	Результаты голосования (в %)	РФ	ЕС
Украина	Слуга народа	43,16		+
	Оппозиционная платформа – За жизнь	13,05	+	
	Батькивщина	8,18		+
	Европейская солидарность	8,10		+
	Голос	5,82		+
			13,05%	65,26%
Молдова	Демократическая партия Молдовы	23,62	+	
	Избирательный блок «ACUM Platforma DA și PAS»	26,84		+
	Партия коммунистов Республики Молдова	3,75	+	
	Партия социалистов Республики Молдова	31,15	+	
	Политическая партия «ШОР»	8,32	+	
			66,42%	26,84%
Армения	Альянс «Мой шаг»	70,43	+	
	Прорывающая Армения	8,27	+	
	Светлая Армения	6,37		+
			78,7%	6,37%
Грузия	Грузинская мечта	48,67		+
	Единое национальное движение	27,11		+
	Альянс патриотов Грузии	5,01		+
			0%	80,82%

Table 4. Results of national parliamentary elections
Source: Official data of Election commissions

Данные об итогах выборов, внешнеполитических ориентациях политических партий, прошедших в национальные парламенты, представлены в *Таблице 4*.

Как видно из Таблицы 4, государства «общего соседства» в целом и политические партии в частности можно дифференцировать в зависимости от их отношения к России. Так, украинские и грузинские избиратели однозначно проголосовали за партии, которые выступали за европейский / западный путь развития. В двух других государствах «пророссийское» голосование было более явно выражено. Наш анализ не будет полным, если мы не объясним существующее положение с уровнем развития «мягкой силы» России. Можно обозначить как сильные, так и слабые стороны российской мягкой силы. Начнем с последних.

Первое, что мы можем отметить, – это использование Москвой «жесткой силы» в отношении государств своего ближнего зарубежья, в том числе и военной. Здесь можно упомянуть «Пятидневную войну на Кавказе» 2008 г. и «гибридную войну» на Украине 2014-2015 гг. (участие «вежливых людей» / «зеленых человечков» в процессе присоединения Крыма к России, вооруженный конфликт на востоке Украины). К «жестким» методам относятся и российские экономические санкции (в качестве примера можно привести введение запрета на импорт отдельных товаров и продукции из Грузии и Молдавии в 2006 г.) и энергетические конфликты (приостановка поставок углеводородов или угроза их прекратить) с Украиной и Беларусией во второй половине 2010-х годов.

Эти и другие внешнеполитические действия Москвы укрепляют негативные стереотипы о России как о стороннике «жесткой силы» и нивелируют успехи «мягкой». Украинский кризис 2014-2015 гг. усилил в государствах-членах ЕС восприятие России как источника военной угрозы. Москву рассматривают как потенциально представляющую экзистенциальную угрозу и считают, что эту угрозу можно и нужно устранить путем дополнительного развертывания войск США и усиления военного сотрудничества в рамках НАТО. Соседи (близкие и дальние) России увидели в ее действиях готовность

применить силу для изменения существующих территориальных границ²⁹.

В то же время за Евросоюзом закрепилось понятие «гражданская сила» или держава, а не военная. Данное понятие было введено в научный оборот в начале 1970-х годов Франсуа Дюшеном³⁰. Он утверждал, что ЕС превращается в международного актора иного типа, чем две сверхдержавы, и ввел данное понятие, чтобы охарактеризовать уникальное положение ЕС в мире. Существуют две основные характеристики «гражданской силы»: во-первых, отсутствие военных средств (как обычных, так и ядерных) и наличие экономических и финансовых ресурсов. Другими словами, гражданская держава – сильное по экономической мощи и относительно слабое по вооруженным силам государство. Для Ханнса Маулла быть гражданской державой означает:

1) признавать необходимость сотрудничества с другими в достижении международных целей;

2) концентрироваться на невоенных, прежде всего экономических, средствах обеспечения национальных целей, при этом военная мощь остается в качестве остаточного инструмента, служащего главным образом для защиты других средств международного взаимодействия;

3) выразить готовность развивать наднациональные структуры для решения важнейших вопросов международного управления³¹.

Позднее концепция гражданской силы или державы была использована в отношении Японии и Западной Германия³².

²⁹ Pezard, S.; Radin, A.; Szayna, T.; Larrabee, S. European Relations with Russia Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis. Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1579.html

³⁰ Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

³¹ Maull, H.W. *Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign Affairs*, 1990, Vol. 69, No. 5, pp. 92-93.

³² Ibid. pp. 91-106.

Второй недостаток российской мягкой силы связан с отсутствием или недостаточным развитием привлекательной модели для общих с ЕС государств-соседей.

Таблица 5

Уровень развития демократии в ряде государств постсоветского пространства

Страны	Democracy Index 2019	Nations in Transit 2018
Украина	Гибридный режим	Гибридный режим
Молдова	Гибридный режим	Гибридный режим
Грузия	Гибридный режим	Гибридный режим
Армения	Гибридный режим	Полуконсолидированный авторитарный режим
Россия	Авторитарный режим	Консолидированный авторитарный режим

Table 5. The level of development of democracy in the countries of the CIS

Source: The Economist Intelligence Unit. Democracy Index. Mode of access: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

Нормативная составляющая российской модели мягкой силы состоит из двух частей. Во-первых, продвижение консервативных ценностей на международной арене, но они рассчитаны не для ближнего, а дальнего зарубежья (целевой аудиторией является европейская общественность, о которой шла речь выше). Во-вторых, концепция «суверенной демократии», т.е. политическая модель, которая подчеркивает необходимость построения демократии в стране, политического институционального устройства, опираясь на историко-культурные особенности общества³³. Иными словами, речь идет об обосновании невозможности строительства или развития именно либеральной демократии. Адресной группой, которой импонирует такая риторика и практика, являются государства с авторитарными режимами (например, страны центрально-азиатского региона, за исключением Киргизии).

Рассматриваемые нами государства относят к странам с гибридным режимом

³³ Popescu, N., Wilson A. The Limits of Enlargement Lite: European and Russian Power in the Troubled Neighbourhood. Policy Report.

(см. Таб. 5), нынешние правительства которых стремятся в области внутренней политики развивать демократические институты и практики. Исходя из этого, можно сделать вывод, что российская модель мягкой силы, а также российский политический режим, в отношении которого в политологической литературе ведется дискуссия на предмет его сущностного определения («соревновательный авторитаризм», «электронный авторитаризм», «дефектная демократия», «управляемая демократия», «гибридный режим»), не являются привлекательными.

Что касается Евросоюза, то с момента своего создания он был концептуализирован как отчетливо «другой» тип международного актора. На протяжении десятилетий он был описан как «гражданская»³⁴ и совсем недавно «нормативная» держава. Данная концепция появилась в начале 2000-х годов благодаря Яну Мэннерсу³⁵. Он определил ее как силу, которая не является ни военной, ни чисто экономической, а действует через идеи и мнения. «Нормативная – это такая сила, которая способна «формировать представления о «нормальном», т.е. то, что считается целесообразным поведением акторов на международной арене»³⁶. Другими словами, это способность формировать и определять международные нормы. Нормы и ценности пронизывают европейские внешнеполитические документы и декларации³⁷. «Копенгагенские критерии» требуют от кандидатов продемонстрировать принципы либеральной демократии, рыночной

³⁴ Duchêne, F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // Kohnstamm M., Hager W. (eds). A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community. London: Macmillan, 1973. P. 19.

³⁵ Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, p. 239.

³⁶ Ibid.

³⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security. Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdfPolicy

экономики, верховенства права³⁸. Брюссель гордится тем, что является мировым законодателем норм в области прав человека, а также крупнейший поставщик официальной помощи в целях развития. Кроме того, ЕС рассматривается как модель региональной интеграции и наиболее успешная международная организация. За свой вклад в дело мира и стабильности в Европе Брюссель был удостоен Нобелевской премии мира в 2012 году. Можно сказать, что притягательная сила Европы была продемонстрирована в то время, когда в Украине разворачивался «Евромайдан», а люди в Киеве с ноября 2013 по февраль 2014 года были готовы пожертвовать многим ради европейского будущего страны (после отказа президента В. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС).

Наконец, третий минус российской мягкой силы состоит в той модели межгосударственного сотрудничества, которую Москва предлагает другим постсоветским государствам. Ее можно назвать гегемонистской. Модель отношений с теми государствами, которые зависят от военной защиты России и не имеют альтернативных партнеров, и регионального порядка, сторонниками которых является Россия, основана не на сотрудничестве между коллегами, а на принятии российской гегемонии, что соответствует концепции российской зоне влияния. Притязания Москвы на лидерство на постсоветском пространстве включают в себя право определять действующие там правила игры и ограничивать пространство для маневра. Это означает, что Москва безоговорочно отвергает право постсоветских государств на свободный выбор альянсов и требует себе вето на любое военное сотрудничество с третьими странами, которое может быть воспринято как угроза для России. Москва не в состоянии предложить им привлекательного видения интеграции без выстраивания моделей сильной зависимости. Такой вариант сотрудничества представляется правящим элитам соседних государств опасным для

³⁸ Conditions for membership. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en

суверенитета. Так, например, государства-члены ОДКБ могут разместить на своих территориях военные базы и объекты вне-региональных держав после консултация (согласования) с другими членами³⁹.

С другой стороны, ЕС позиционируется как организация, которая берет на себя международные обязательства. Брюссель – крупнейший мировой донор гуманитарной помощи в целях развития. Он находится в авангарде международной борьбы с климатическими изменениями. По сравнению с США (при Д. Трампе) Евросоюз выступает за снятие барьеров, которые препятствуют свободной международной торговле. Большое внимание Брюссель уделяет урегулированию локальных и региональных конфликтов политико-дипломатическими методами⁴⁰.

Что касается преимуществ российской мягкой силы, то первым выступает модель против конкретных выгод, которые обещает Россия. Москва предлагает соседним государствам прямые, конкретные выгоды, такие как открытые рынки труда, поставки энерго-ресурсов по льготным ценам. В теоретическом плане данная модель описывается понятием «липкая сила». Данный термин был введен в оборот американским исследователем Уолтером Мидом в 2004 г.⁴¹ С его точки зрения, все внешнеполитические инструменты государства могут быть разделены на три группы – острая (использование военной силы, применение вооруженных сил), притягательная (сила тяготения к идеалам, культуре и ценностям) и липкая силы. Под последней он понимает сеть экономических

³⁹ Устав ОДКБ от 07.10.2002 (в посл. ред). Mode of access: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/

⁴⁰ Энтин М.Л. Европейский союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций. 2009. № 2. С. 29-47. [Entin, M.L. Evropeiskii soiuз kak odin iz vedushchikh mezhdunarodnykh igrokov (The European Union as one of the leading international players) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2009, No. 2, pp. 29-47.]

⁴¹ Mead, W. America's Sticky Power // *Foreign Policy*, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

институтов и стратегий, которые вовлекают в экономическую систему другие государства и создают для них такие условия, которые становятся трудно покинуть. В качестве примеров стран, которые обладают липкой силой, У. Мид называет Британскую империю и сегодняшние США. Он называет следующие инструменты липкой силы:

1) предоставление права и возможности вести свободную торговлю, открытие внутреннего рынка для иностранных конкурентов;

2) приток иностранных инвестиций, что приводит к формированию группы заинтересованных лиц (стейкхолдеров) из коммерсантов, банкиров и торговцев;

3) зависимость от импортных поставок сырья;

4) наличие национальной денежной единицы в качестве резервной валюты⁴².

Если мы говорим о предоставлении права и возможности вести свободную торговлю, открытию внутреннего рынка для иностранных производителей, то это обеспечивается через членство в ЕАЭС. Из рассматриваемых государств входит только Армения. Для сравнения: соглашения с ЕС о свободной торговле подписали Грузия, Молдавия и Украина.

Вторым преимуществом является деятельность РПЦ за рубежом. Московский Патриархат активно обеспокоен событиями за пределами России. Эта озабоченность не ограничивается ближним зарубежьем или канонической территорией Московского Патриархата. Она распространяется на все другие государства, где могут проживать русские / православные христиане. Патриарх сегодня пользуется вниманием МИД России и играет ключевую роль как в формулировании, так и в продвижении российских интересов за рубежом. Для государства РПЦ – инструмент расширения культурного и политического влия-

ния России. РПЦ продвигает русскую культуру и язык за рубежом. Она поддерживает и продвигает идею «Русского мира», т.е. единого культурного, духовного и цивилизационного пространства. Сегодня РПЦ имеет большое влияние в Украине и пользуется авторитетом у значительной части населения (особенно в восточных и южных частях страны, где верующие сохраняют тесную связь с Московским патриархатом). РПЦ остается важным фактором русификации этого региона Украины и сохранения идеи славянского единства. Это же верно и для Молдовы, православная церковь которой (Молдавско-Кишиневская митрополия) является самоуправляемой частью РПЦ. Московский патриархат выступает в этом плане оплотом российского влияния и источником «мягкой силы»⁴³.

Заключение

Целью нашего исследования было изучение уровня мягкой силы России в государствах «общего соседства». Нас побудило обратиться к этой теме существующее в научной литературе мнение о том, что на постсоветском пространстве Москва обладает значительным влиянием. Как показало наше исследование, ее степень отличается в зависимости от рассматриваемых субрегионов ближнего зарубежья. В нашем случае это были страны, входящие в пространство «общего соседства» РФ и ЕС, т.е. по факту граничащие с обоими из них. В этой части постсоветского пространства отношение к России варьируется от негативного (Грузия и Украина) до нейтрального (Армения и Молдова), а к Евросоюзу – от нейтрального (Армения и Молдова) до позитивного (Грузия и Украина). Получается, что ресурсы российской мягкой силы имеют разный эффект: в одних государствах и субрегионах они достаточно сильные и приводят к какому-то результату, а в других – нет. Следовательно,

⁴² Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 25-35. [Measd, U.R. Vlast', terror, mir i voina. Bol'shaia strategiiia Ameriki v obshchestve riska (Power, Terror, Peace and War. Great Strategy of America in the Society of Risk). Moscow: Progress-Traditsiia, 2006. Pp. 25-35.]

⁴³ Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 57-68. [Kasatkin, P.I. Russkaia pravoslavnaia tserkov' na postsovetском prostranstve (Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Space) // *Regional'nye issledovaniia*, 2010, No. 2, pp. 57-68.]

при разработке внешнеполитического курса относительно той или иной страны необходимо учитывать такие нюансы.

Литература:

Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 44-56.

Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75.

Касаткин П.И. Русская православная церковь на постсоветском пространстве // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 57-68.

Мелешикина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения // Зарубежная политология в XX столетии: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН, 2001. С. 190-215.

Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 25-35.

Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. С. 33-41.

Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397 с.

Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 94-112.

Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Политические исследования. 1994. № 3. С. 47-58.

Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 59-60.

Энтин М.Л. Европейский союз как один из ведущих международных игроков // Вестник международных организаций. 2009. № 2. С. 29-47.

Downs, A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p.

Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s) // European Journal of International Relations, 2016, No. 4, pp. 773-796.

Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // Assessing Russia's Power: A Report / Kuhr N. Feklyunina V. (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.

Keatinga, V.C., Kaczmarek, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // Journal of International Relations and Development, 2017, Vol. 22.

Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // Politics, 2015, Vol. 35, No. 3-4. pp. 316-329.

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies, 2002, Vol. 40.

Mattern, J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium - Journal of International Studies, 2005, Vol. 33.

Maull, H.W. Germany and Japan: The New Civilian Powers // Foreign Affairs, 1990, Vol. 69, No. 5.

Mead, W. America's Sticky Power // Foreign Policy, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // Comparative Politics Russia, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

Nye, J. What Russia and China Don't Get about Soft power // Foreign Policy, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // Problems of Post-Communism, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // Journal of Political Power, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // Public Relations Review, 2015, No. 1, pp. 1-13.

Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // Europe-Asia Studies, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // Current History, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // Europe-Asia Studies, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

References:

Degterev, D., Vasiliuk, I., Baum V. Parametry mnogovektornosti vneshej politiki stran SNG: prikladnoi analiz (Parameters of Multi-Vector Foreign Policy of the CIS Countries: Applied Analysis) // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2018, № 1, pp. 63-75.

Downs, A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Brothers, 1957. 310 p.

Duchêne, F. 'The European Community and the Uncertainties of Interdependence', in M. Kohnstamm and W. Hager (eds) A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community, pp. 1-21. London: Macmillan, 1973.

Entin, M.L. Evropeiskii soiuz kak odin iz vedushchikh mezhdunarodnykh igrokov (The European Union as one of the leading international players) // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii, 2009, No. 2, pp. 29-47.

Farmer, M. Ratsional'nyi vybor: teoriia i praktika (Rational choice: theory and practice) // Politicheskie issledovaniia, 1994, No. 3, pp. 47-58.

Feklyunina, V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the 'Russian World(s) // European Journal of International Relations, 2016, No. 4, pp. 773-796.

Golosov, G.V. Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov (Voter's Behavior in Russia: Theoretical Prospects

and the Results of Regional Elections) // *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1997, No. 4, pp. 44-56.

Hudson, V. Russia's Soft Power in the Post-Soviet Space // *Assessing Russia's Power: A Report* / Kuhr N. Feklyunina V. (eds). London: King's College, 2019. pp. 29-33.

Kasatkina, P.I. Russkaia pravoslavnaia tserkov' na postsovetском prostranstve (Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Space) // *Regional'nye issledovaniia*, 2010, No. 2, pp. 57-68.

Keatinga, V.C., Kaczmarek, K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // *Journal of International Relations and Development*, 2017, Vol. 22.

Kiseleva, Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // *Politics*, 2015, Vol. 35, No. 3-4. pp. 316-329.

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40.

Mattern, J.B. Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium - Journal of International Studies*, 2005, Vol. 33.

Maull, H.W. Germany and Japan: The New Civilian Powers // *Foreign Affairs*, 1990, Vol. 69, No. 5.

Mead, U.R. Vlast', terror, mir i voina. Bol'shaia strategiia Ameriki v obshchestve riska (Power, Terror, Peace and War. Great Strategy of America in the Society of Risk). Moscow: Progress-Traditsiia, 2006. Pp. 25-35.

Mead, W. America's Sticky Power // *Foreign Policy*, 2004, Issue 141. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>

Meleshkina, E.Iu. Issledovaniia elektoral'nogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia (Research of electoral behavior: theoretical models and problems of their application) / in: Zarubezhnaia politologii v XX stoletii: Sbornik nauchnykh trudov. Moscow: INION, 2001. pp. 190-215.

Mukhametov, R.S. Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in the Post-Soviet Space // *Comparative Politics Russia*, 2019, Vol. 10, No. 3, pp. 46-57.

Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia («Soft Power» and American-European relations) // *Svobodnaia mysl'*, 2004, No. 10, pp. 33-41.

Nye, J. Gibkaia sila. Kak dobit'sia uspekha v mirovoi politike (Soft Power: The Means to Success in World Politics). M.: Trend, 2006. 397 p.

Nye, J. What Russia and China Don't Get about Soft power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>

Petrovich-Belkin, O.K., Eremin, A.A., Bokeriia, S.A. Problema snizheniia vliianiia Rossii na postsovetском prostranstve: chem vyzvan dreif gosudarstv SNG v storonu mnogovektornosti? (The Problem of Reducing Russia's Influence in the Post-Soviet Space: What Caused the Drift of the CIS States towards Multi-Vector Nature?) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2019, No. 1, pp. 94-112.

Rotaru, V. Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad" // *Problems of Post-Communism*, 2018, Vol. 65, No. 1, pp. 37-48.

Rutland, P., Kazantsev, A. The Limits of Russia's 'Soft Power' // *Journal of Political Power*, 2016, Vol. 9, No. 1-3, pp. 395-415.

Sergunin, A., Karabeshkin, L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // *Politics*, 2015, No. 3-4, pp. 347-363.

Shishkina, O.V. Vneshnepoliticheskie resursy Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosedstva»: sravnitel'nyi analiz (Foreign Policy Resources of Russia and the EU in the Space of "Common Neighborhood": Comparative Analysis) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2011, No. 1, pp. 59-60.

Simons, G. Perception of Russia's soft power and influence in the Baltic States // *Public Relations Review*, 2015, No. 1, pp. 1-13.

Strause, A., Korbin, Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniia: obosnovannaia teoriia, protsedury i tekhniki (Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques). Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p.

Tsygankov, A. If not by Tanks, then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy // *Europe-Asia Studies*, 2006, No. 7, pp. 1079-1099.

Tsygankov, A. Moscow's Soft Power Strategy // *Current History*, 2013, Vol. 112, pp. 259-264.

Wilson, J.L. Soft Power: A Comparison of Discourse and Practice in Russia and China // *Europe-Asia Studies*, 2015, Vol. 67, No. 8, pp. 1171-1202.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

«SOFT POWER» OF RUSSIA AND THE EU IN THE «COMMON NEIGHBORHOOD»: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES IN POST-SOVIET STATES

Ruslan S. Mukhametov

Ural Federal University named after the first President Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 05.08.2020</p>	<p>Abstract: The article is devoted to assessing the state of Russian soft power. The author was prompted to address this topic by a contradiction. On the one hand, a review of the scientific literature shows that experts appreciate the level of development of Russia's soft power in the near abroad. On the other hand, international political analysts state that the CIS States have chosen one or another form of multi-vector activity in the international arena, and Moscow's influence in the post-Soviet space has been declining in the past few years. Based on a Grounded theory developed by A. Strauss and J. Corbin, which analyzed the policy documents of political parties that passed national parliaments, the author comes to a number of conclusions. The attitude of party and political elites to Russia differs from one country to another and is inversely dependent on the attitude to the EU. When assessing the impact of Russia's soft power, it is necessary to follow an «individual» (country) approach rather than a region-wide one.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science, Ural Federal University named after the first President Boris Yeltsin</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Key words: soft power; post-Soviet space; Russia; European Union; foreign policy</p>	

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 78-91.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050

For citation: Mukhametov, Ruslan S. Myagkaya sila Rossii i ES na prostranstve «obshchego sosedstva»: sravnitel'nyy analiz programm politicheskikh partiy postsovetkikh gosudarstv («Soft Power» of Russia and the EU in the «Common Neighborhood»: a Comparative Analysis of the Programs of Political Parties in Post-Soviet States) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 78-91.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10050